

Ф.О. Трунов

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ФРГ И РФ В УРЕГУЛИРОВАНИИ ВООРУЖЕННЫХ КОНФЛИКТОВ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Аннотация. В статье прослежено взаимодействие России и Германии в урегулировании вооруженных конфликтов на востоке Украины, в Приднестровье, Абхазии и Южной Осетии. Даже будучи «замороженными» или «тлеющими», они несут в себе угрозу безопасности одновременно для РФ и Евро-Атлантического сообщества. В этой связи рассматриваются предпосылки и возможности для налаживания взаимодействия обеих держав в урегулировании на фоне имеющихся глубоких расхождений как на данном направлении, так и в отношениях в целом.

Ключевые слова: Германия, Россия, вооруженные конфликты, постсоветское пространство.

Трунов Филипп Олегович – кандидат политических наук,
старший научный сотрудник Отдела Европы и Америки ИНИОН РАН,
Москва. E-mail: 1 trunov@mail.ru

F.O. Trunov. The Problems and Perspectives of Interaction Between Germany and Russia for the Armed Conflicts Settlement in the Post-Soviet Space

Abstract. The article determines the process of interaction between Russia and Germany for the armed conflicts settlement in Eastern Ukraine, Transnistrian, Abkhazian and Southern Ossetia. Even being frozen or smoldering, the conflicts produce a large scale of threats both for Russian Federation and the Euro-Atlantic community. In this regard the article considers the prerequisites and possibilities for the building of bilateral cooperation against the backdrop of the deep differences both at this direction and in a relationship in general.

Keywords: Germany, Russia, armed conflicts, post-Soviet space.

Trunov Philipp Olegovich – Candidate of Political Science,
senior researcher, Department of Europe and America,
INIION RAS, Moscow. E-mail: 1 trunov@mail.ru

Процесс формирования и развития постсоветского пространства сопровождали две волны вооруженных конфликтов. Первая из них возникла еще в ходе распада СССР и продолжалась до середины 1990-х годов, включая в себя вспышки организованного насилия в Таджикистане, Нагорном Карабахе, Южной Осетии, Абхазии и Приднестровье. Россия, сочетая использование дипломатических и военных инструментов, сыграла ключевую роль в обеспечении и поддержании мира во всех указанных случаях: гражданская война в Таджикистане (1992–1997) формально закончилась полным урегулированием, а остальные конфликты перешли в разряд «замороженных». При этом гарантией невозобновления боевых действий в Приднестровье, Южной Осетии и Абхазии являлось сохранение российского миротворческого присутствия. РФ, особенно с начала 2000-х годов, прилагала активные усилия для полного урегулирования конфликтов. Основными шагами на этом направлении следует признать выдвижение меморандума Козака (2003) по приднестровской проблеме и заключение Сочинских договоренностей (2003) с целью сближения Грузии с ее оппонентами. В основе инициатив РФ лежала идея федерализации бывших республик СССР, на территории которых происходили боевые действия, как средства устранения противоречий между Центром и периферийными субрегионами, склонными к отделению в случае сохранения унитарной формы государственного устройства.

В конце 2000-х – середине 2010-х годов произошла вторая серия вспышек организованного насилия на постсоветском пространстве. Она характеризовалась «размораживанием» прекращенных (в 2008 г. в Южной Осетии и подготовкой к этому в Абхазии по инициативе Грузии), возникновением новых (на востоке Украины, с 2014 г.) и ростом напряженности в зонах остальных «замороженных» (Приднестровье, Нагорный Карабах) конфликтов.

С середины 2000-х годов стало наблюдаться активное стремление США, а также ЕС и ведущих стран – участниц объединения – в первую очередь ФРГ – встроиться в процесс урегулирования вооруженных конфликтов в регионе. С одной стороны, позиция западных стран и институтов была близка к российской в вопросе о необходимости федерализации государств, на территории которых происходили вооруженные конфликты. С другой стороны, западные государства тесно увязывали данные меры со сближением стран, вступавших на путь постконфликтного развития, с ЕС. После вхождения (и фактической интеграции) стран Восточной Европы и Балтии в состав Европейского союза он стал территориально соприкасаться с границами постсоветского пространства. С конца 2000-х годов главным механизмом стратегического проникновения в регион стала запущенная ЕС программа «Восточное партнерство», а основным инструментом ее реализации – заключение соглашений об ассоциации.

РФ критически относится к этим мерам, стремясь построить на постсоветском пространстве евразийские интеграционные структуры. Показательно, что на современном этапе официальные российские власти в своей риторике используют оба эпитета («постсоветское» и «евразийское»), чаще употребляя второй. Тем самым демонстрируется тесная связь стран региона с Россией не только в прошлом (в периоды существования Советского Союза, Российской империи, Московского царства), но и в настоящем, а главное – в будущем. Утверждение РФ в качестве центра региональной подсистемы постсоветского пространства является неотъемлемой частью превращения страны в полноценный полюс влияния на глобальном уровне. Примечательно, что страны СНГ обозначены в качестве первоочередного регионального приоритета в действующей (2016) концепции внешней политики России [8].

На этом фоне возникновение и развитие вооруженного конфликта на востоке Украины стало де-юре и де-факто одним из ключевых факторов ухудшения стратегических отношений России и Запада. Безусловно, взаимная потеря доверия сторон весьма усложняет координацию их усилий. Однако необходимость налаживания скорейшего взаимодействия очевидна: во-первых, урегулирование имеющихся (и предотвращение возникновения новых) конфликтов прямо зависит от общего улучшения отношений. Во-вторых, по мере своего развития очаги организованного насилия (перемещение «черных» вооружений и взрывчатых веществ; усиление радикальных сил и организованной преступности; неконтролируемая миграция) будут негативно влиять как на Евро-Атлантическое сообщество, так и на Россию. Наконец, в-третьих, как показывает практика, чем более «запущенным» является конфликт (особенно если он «тлеющий»), тем проблематичнее его урегулирование.

Среди западных стран интерес представляет, в частности, изучение опыта ФРГ, в годы «холодной войны» сыгравшей одну из ключевых ролей в процессе «разрядки». На современном этапе ухудшения отношений Германия, в целом активно участвуя в действиях Запада по оказанию давления на РФ, в то же время начиная с 2015 г. в несколько меньшей степени, чем партнеры по ЕС и НАТО, стремится заморозить контакты с Россией. Именно ФРГ стала инициатором создания «Нормандского формата» (с 2014 г.) и, в отличие от действующей администрации США, весьма сдержанно относится к идеям очередного расширения санкций против России [18, с. 2–4]. Безусловно, градус отношений в отношениях двух держав во второй половине 2010-х годов продолжает оставаться довольно низким, однако именно ФРГ в перспективе может стать инициатором движения Запада к нормализации отношений с РФ.

Западные исследователи обычно обвиняют Россию в том, что она заинтересована лишь в «замораживании» конфликтов на постсоветском пространстве и не стремится к их полному урегулированию, желая тем самым сохра-

нить рычаги влияния на страны, где происходили вспышки организованного насилия [18, с. 2–5; 19, с. 2–6, 19–25]. Напротив, российские эксперты отмечают объективные трудности на пути к полному устранению противоречий, а также негативные последствия вмешательства Запада в ход урегулирования [9]. Однако в целом необходимо указать на недостаточное число научных публикаций, посвященных взаимодействию сторон в области урегулирования конфликтов.

Точки соприкосновения между РФ и ФРГ в вопросе о «замораживании» вооруженного конфликта на востоке Украины

Развитие вооруженного конфликта на востоке Украины¹ характеризовалось чередованием «горячих» (апрель – начало сентября 2014 г., январь – середина февраля 2015 г.) и «тлеющих» фаз. Водоразделом стало заключение 12 февраля 2015 г. договоренностей «Минск-2» с участием Украины, РФ, ФРГ и Франции. Комплекс мер по выполнению Минских соглашений включал в себя три основных блока:

– миротворческий, состоящий из обязательств сторон конфликта по созданию зоны разделения и отводу тяжелых вооружений, выводу всех видов иностранных вооруженных формирований; отдельно обговаривалось возвращение властям Украины контроля над границей после выполнения собственно политических договоренностей;

– общеполитический, в основе которого лежала формула сохранения территорий Донецкой и Луганской народных республик в составе Украины в обмен на предоставление им особого статуса (с оформлением этого в Конституции страны) и проведение местных выборов, что должно было легитимизировать вновь избранные власти;

– социально-экономический, фиксирующий необходимость хозяйственного восстановления и воссоздания нормальных условий жизни [7].

1. По мнению российской стороны, «точкой невозврата» в развитии украинских событий стал антиконституционный переворот 22 февраля 2014 г., когда в нарушение договоренностей от 21 февраля 2014 г. о примирении официальных властей Украины во главе с президентом В.Ф. Януковичем и оппозицией последняя захватила власть. Гарантами соглашения 21 февраля 2014 г. выступили Германия (лично глава МИД Ф.-В. Штайнмайер), Франция и Польша. Российская сторона критиковала их за фактическое игнорирование силового характера переворота 22 февраля 2014 г., а также пассивность в деле оказания влияния на новые власти в Киеве при использовании ими военных инструментов для давления на регионы страны, не готовые принять антиконституционный переворот. Соответственно, эти события рассматривались в качестве отправной точки для развития вооруженного конфликта на востоке Украины и процесса возвращения Крыма в состав России [4].

Сроки, отведенные в документе для выполнения этих договоренностей, были достаточно жесткими: на установление режима тишины отводилось всего 48 часов, а отвод тяжелых вооружений должен был завершиться в течение двух недель. Выполнение общеполитического блока планировалось обеспечить к концу 2015 г. При выработке соглашения от 12 февраля 2015 г., с точки зрения автора, был учтен опыт планов «Медведева – Саркози» (2008) и ближневосточного квартета по урегулированию арабо-израильского конфликта (2005).

Однако как и во втором случае строго установленные сроки были сорваны. Так, по состоянию на март 2018 г., согласно подсчетам автора, режим тишины нарушался 18 раз, или в среднем один раз в полтора месяца (!). Таким образом, наблюдалось очевидное «пробуксовывание» договоренностей «Минск-2». Но ни Германия (и Франция), ни Россия не стремились к свертыванию взаимодействия. Чем это было обусловлено?

«Минск-2» (в отличие от «Минска-1» в сентябре 2014 г.) стал документом с обоюдными гарантиями континентальных держав ЕС и РФ. Каждая из них, думается, является не только формальным, но и фактическим бенефициаром от выполнения договоренностей 12 февраля 2015 г. Для России значимым политическим успехом стало бы предоставление широкой автономии (в виде особого статуса) восточным регионам Украины, в социокультурном и экономическом плане тяготеющих к РФ. Это позволяло минимизировать их участие в реализации соглашения об ассоциации Украины с ЕС (подписанного 27 июня 2014 г.), а также препятствовало попыткам украинского истеблишмента добиться вхождения государства в состав НАТО. Постепенно очаг нестабильности у границ РФ превращался в дружественную территорию, способствуя серьезному снижению угроз для Юга России.

Для руководства Германии (и Франции) реализация «Минска-2» принесла бы серьезные репутационные выгоды, показывая эффективность действий национального истеблишмента и лично канцлера А. Меркель в сфере кризисного урегулирования. Это особенно важно в условиях стремительной трансформации архитектуры евро-атлантической региональной подсистемы и усиления позиций ФРГ как одного из полюсов притяжения в ней. Предоставление особого статуса юго-востоку Украины могло бы снизить напряженность в отношениях с РФ, связанную с заключением соглашения об ассоциации Украины и ЕС. Не менее важна, по мнению автора, и возможность улучшения отношений с Россией, и высвобождения ресурсов ФРГ (особенно политико-дипломатических и военных) для применения на других приоритетных направлениях – в первую очередь в рамках борьбы с международным терроризмом.

Между тем официальному Киеву выполнение договоренностей «Минска-2» невыгодно, поскольку будет означать фактическое поражение «умиротвори-

телей» и праворадикальных, в том числе неонацистских, сил, чьи позиции весьма сильны. Это могло бы привести к оттеснению от власти нынешней администрации во главе с П. Порошенко, чего последний, используя набор различных инструментов, стремится не допустить.

В целом процесс взаимодействия РФ и ФРГ по урегулированию вооруженного конфликта на востоке Украины можно условно разделить на два больших этапа. *Первый* охватывает период с февраля 2015 по август 2017 г. Главная его характеристика – стремление сторон к выполнению договоренностей «Минск-2» посредством обращения *лишь к имеющимся* механизмам и инструментам, сложившаяся схема использования которых была двухступенчатой. На *верхнем уровне* располагался «Нормандский формат», работа которого дополнялась функционированием двух переговорных «треугольников»: один из них германо-французский тандем образовывал с РФ, другой – с Украиной. Ключевыми функциями «Нормандской четверки» являлись наблюдение за выполнением договоренностей и придание ему ускорения.

При этом, как указывала российская сторона, главная проблема на пути урегулирования заключалась в налаживании прямого диалога между официальным Киевом и властями Донецкой и Луганской народных республик (ДНР и ЛНР) [3]. В этом вопросе украинские власти обладали возможностью для определенного маневра вследствие непризнания властей ДНР и ЛНР (избранных на начальной стадии вооруженного конфликта в мае 2014 г.). Поэтому ФРГ и Франция готовы были вести с ними переговоры лишь опосредованно, т.е. через РФ. Проблема осложнялась нежеланием обеих сторон конфликта договариваться о проведении местных выборов в Донецкой и Луганской областях. Официальный Киев опасался победы действующих властей на территории ДНР и ЛНР, стремясь осуществить латентные и явные меры (в частности, развертывание полицейской миссии под предлогом обеспечения безопасности [3]) для прихода к власти лояльного руководства. На это, в свою очередь, не могли согласиться представители самопровозглашенных республик.

Нижний уровень схемы использования инструментов и механизмов урегулирования составляли:

- контактная группа (Украина – ДНР – ЛНР – ОБСЕ) (в Минске), ответственная за выполнение всего комплекса договоренностей «Минск-2»;
- совместный центр координации и контроля за соблюдением режима прекращения огня, в состав которого помимо военных Украины и самопровозглашенных республик вошли офицеры Вооруженных сил России;
- специальная мониторинговая миссия (СММ) ОБСЕ.

Последняя, по сути, являлась главным механизмом для работы «в поле» с целью обеспечения режима прекращения огня и демилитаризации зоны вооруженного конфликта в целом. Хотя миссии оказывалась различная

техническая помощь, в частности со стороны ФРГ², ее возможностей – как в количественном плане (лишь 10 передовых патрульных пунктов и подвижные инспекционные группы [20] (до 10 одновременно)), так и в качественном (отсутствие миротворческих подразделений) – было недостаточно для выполнения поставленных задач. Наблюдатели ОБСЕ могли лишь фиксировать, причем в неполном объеме, постоянные возвраты на боевые позиции тяжелой техники и факты возобновления боевых действий, но отнюдь не предотвращать их.

С весны 2016 г., спустя год с момента подписания договоренностей «Минск-2», встречи в «Нормандском формате» на высшем уровне созывались все реже; преимущественно они проводились на уровне глав МИД и их заместителей. Прежде всего это обуславливалось «пробуксовыванием» реализации соглашений, а из-за этого невозможным стало подключение глав государств и правительств стран – участниц формата. Однако РФ и германо-французский тандем стремились к объективности оценок: так, российская сторона признавала, что в ряде случаев ответственность за возобновление боевых действий лежит не только на украинских военных, но и на воинских формированиях ДНР и ЛНР. Кроме того, обе стороны старались использовать свое влияние: Россия – на самопровозглашенные республики [3], Германия (и Франция) – на официальный Киев [18, с. 2–5]. Важную роль играли отказ ФРГ от направления своих военных инструкторов на Украину, а также готовность к экономическому восстановлению Донбасса по секторальному принципу ответственности – так, Германия участвовала в восстановлении банковской системы и водо- и энергосетей [3; 15]. Интенсификация встреч сторон наблюдалась в первой половине 2016 г., в период председательства ФРГ в ОБСЕ, однако и это не привело к «прорыву». Тем не менее именно площадка Организации, равноудаленная и от России, и от Запада, рассматривалась обеими державами как подходящая для дальнейшего развития взаимодействия.

Несмотря на тактические успехи, к осени 2017 г. отчетливо проявилась сложность реализации договоренностей «Минска-2» без создания полноценного миротворческого присутствия в зоне конфликта. С сентября 2017 г. начинается *второй этап* российско-германского взаимодействия по урегулированию. К этому времени для ФРГ серьезно изменился внешне- и внутривнутриполитический фон. Положительный результат референдума о выходе Великобритании из ЕС 25 мая 2016 г., ставший отправной точкой Брекзита, и победа Д. Трампа на президентских выборах в США 9 ноября 2016 г. стали «стратегическим шоком» для официального Берлина. Он поставил германский

2. Так, Германией по личному распоряжению министра иностранных дел ФРГ Ф.-В. Штайнмайера для миссии было выделено два армейских беспилотных летательных аппарата. – Прим. авт.

истеблишмент перед необходимостью скорейшего переосмысления состояния дел в евро-атлантической региональной подсистеме и определения путей ее трансформации с учетом интересов ФРГ. Решение этих весьма непростых задач вдвойне усложнялось внутривнутриполитическим кризисом после выборов в Бундестаг 24 сентября 2017 г. Попытка А. Меркель создать коалицию в составе блока ХДС / ХСС, «Зелёных» и СвДП завершилась в ноябре 2017 г. провалом, а правительство «большой коалиции» было создано лишь в середине марта 2018 г. Все это серьезно сокращало возможности ФРГ участвовать в урегулировании вооруженного конфликта на востоке Украины, в том числе оказывать влияние на официальный Киев.

С весны 2017 г. проявилась еще одна тенденция – более активное вмешательство США в разрешение конфликта. Если при администрации Б. Обамы Соединенные Штаты, не войдя в Нормандский формат, оказывали сравнительно ограниченное влияние на ход урегулирования [18, с. 2–3], то администрация Д. Трампа попыталась принять на себя ключевую роль в этом процессе. США действовали фактически в обход «Нормандской четверки», отдавая предпочтение двусторонним контактам (с Украиной и в меньшей степени с РФ) и стремясь оттеснить ФРГ от реального принятия решений.

В начале сентября 2017 г. Президент России В.В. Путин выступил с инициативой разместить под эгидой ООН миротворческий контингент в полосе работы СММ ОБСЕ для ее охраны, а также для полноценного осуществления комплекса мер по обеспечению и поддержанию мира. Уже 11 сентября 2017 г. это предложение в ходе телефонных переговоров с главой РФ было поддержано канцлером А. Меркель. Кроме того, стороны согласились с необходимостью развертывания миротворческой миссии не только на линии разделения сторон, но и во всех районах, где действовала СММ ОБСЕ [13]. Реализация этого предложения выступала, по сути, единственной возможностью «заморозить» вооруженный конфликт, двигаясь по пути, определенному «Минском-2».

На фоне правительственного кризиса в ФРГ в обсуждение инициативы активно включился специальный представитель президента США по Украине К. Волкер. Так, в ноябре 2017 г. появилась информация о стремлении Соединенных Штатов развернуть на востоке Украины 20-тысячный миротворческий контингент, при этом США призвали официальный Киев не выступать с альтернативной инициативой [14]. Обсуждение инициативы РФ сопровождалось выдвиганием дальнейших предложений и контрпредложений, в первую очередь со стороны Украины и США. Основные «проблемные узлы», помимо численности собственно миротворческой миссии, сводились к дополнению ее полицейскими силами и определению круга стран, которые могли предоставить воинские контингенты и возглавить международные силы. Вариант возложения ключевой нагрузки на условно нейтральные госу-

дарства во главе со Швецией, учитывая ее тесное сближение с НАТО, особенно с середины 2010-х годов, не мог быть принят ДНР и ЛНР. Это вновь привело к патовой ситуации.

Важным фактором торможения переговорного процесса, с точки зрения автора, стало уменьшение удельного веса в нем ФРГ. Это существенно расширило возможность для маневра официального Киева с целью затягивания и невыполнения положений «Минска-2». Так, 20 февраля 2018 г. П. Порошенко подписал указ о реинтеграции Донбасса, что было воспринято российской стороной как достижение «точки невозврата» в деле отхода Украины от выполнения договоренностей 12 февраля 2015 г. [2]. Согласно указу, антитеррористическая операция на востоке Украины трансформировалась в войсковую (с передачей командования ВСУ), а президент страны и вновь созданный им объединенный оперативный штаб получали право применять вооруженные силы в любом регионе страны (в том числе за пределами Донецкой и Луганской областей) без предварительного введения военного положения [там же]. С одной стороны, это расширяло возможности Украины по внезапному «размораживанию» конфликта. В ответ Россия временно отозвала своих военных из Совместного центра координации и контроля за соблюдением режима прекращения огня. Это было обоснованно воспринято официальным Берлином как «сигнал» к резкому ужесточению позиции РФ в случае попыток ремилитаризации конфликта [15]. С другой стороны, официальный Киев стремился подчинить себе все «частные армии» (особенно ориентированные на конкретных олигархов формирования), что должно было снизить вероятность неожиданных провокаций с целью эскалации напряженности.

Подготовка к подписанию П. Порошенко указа о реинтеграции Донбасса происходила на фоне 54-й Мюнхенской конференции по безопасности. 19 февраля 2018 г. и.о. министра иностранных дел ФРГ З. Габриель в своей речи подчеркнул приверженность Германии выполнению Минских договоренностей. Возможное обеспечение реального прекращения огня в зоне вооруженного конфликта рассматривалось германской стороной как отправная точка для начала отмены санкций со стороны ЕС в отношении России [24]. Однако вопреки ожиданиям России и объективной необходимости, встречи «Нормандского формата» (на министерском уровне) на полях Мюнхенской конференции организовано не было [10]. Это свидетельствовало о том, что Германия не была готова снять озабоченность РФ относительно закона о реинтеграции Донбасса. Его принятие соответствовало в большей степени линии США (особенно в условиях ужесточения курса администрации Д. Трампа в отношении РФ), но не Германии – показательно отсутствие активной поддержки документа со стороны официального Берлина. Так, в день принятия указа, 20 февраля 2018 г., состоялся телефонный разговор

А. Меркель и П. Порошенко, в ходе которого канцлер заявила о своей приверженности работе в «Нормандском формате» и децентрализации власти на Донбассе как политическому решению проблемы [15]. Вероятнее всего, П. Порошенко предоставил гарантии ФРГ и Франции, что он не пойдет на возобновление боевых действий, а напротив, реальным подчинением ВСУ всех полусамостоятельных формирований постарается более последовательно выполнять договоренности о прекращении огня.

Однако не исключена попытка официального Киева и его западных партнеров, особенно США, использовать закон о реинтеграции Донбасса для ускорения обсуждения вопроса о развертывании миротворческого контингента с учетом контрпредложений и корректировок. В этом случае весьма вероятен обратный эффект, который породит новую волну ухудшения отношений РФ со странами и институтами Евро-Атлантического сообщества.

Очевидно, что Германия не заинтересована в этом. Свидетельство тому – частота встреч на высшем уровне и неизменность позиции ФРГ, согласно которой Украина не готова к вступлению в НАТО в обозримой перспективе. Теперь от правительства уместно ожидать конструктивных предложений, содействующих реализации инициативы РФ. Необходимо отметить, что обстановку на востоке Украины ФРГ во все большей степени связывает с урегулированием других «замороженных» конфликтов на постсоветском пространстве, особенно в Приднестровье.

Взаимодействие двух держав по урегулированию конфликта в Приднестровье

Со времени вхождения Крыма в состав России и возникновения вооруженного конфликта на востоке Украины взаимодействие обеих держав по решению приднестровской проблемы было сведено к минимуму. Ключевым событием стала «заморозка» работы формата «5+2» по инициативе США, ФРГ и ее партнеров по ЕС. В целом этот шаг укладывался в логику радикального сокращения в 2014–2015 гг. числа переговорных площадок с РФ, особенно в сфере международной безопасности. Применительно к Приднестровью германские власти стремились продемонстрировать недопустимость распространения на него цепной реакции присоединения к России после вхождения Крыма в РФ (17 марта 2014 г.) и проведения референдума в ДНР и ЛНР в пользу аналогичного решения (11 мая 2014 г.). Об этом, в частности, заявила канцлер А. Меркель в ходе совместной пресс-конференции с премьер-министром Молдовы Ю. Лянке [22].

Параллельно официальный Берлин интенсифицировал усилия по сближению Молдовы с Евро-Атлантическим сообществом. 27 июня 2014 г. страна (одновременно с Грузией и Украиной) подписала соглашение об ассоциации

с ЕС. Показательно, что документ (как и в случае с Украиной) не содержал в названии также термина «стабилизация» в дополнение к «ассоциации», как это имело место с государствами Западных Балкан, на территории которых также имелись «замороженные» конфликты (в частности, Босния и Герцеговина). Тем самым, с точки зрения автора, ФРГ и ее партнеры по ЕС стремились де-юре исключить возможность отделения в Молдове и Украине и продемонстрировать их признание как состоявшихся государств.

Роль Румынии как одного из ближайших партнеров ФРГ в решении приднестровской проблемы возросла после избрания румынским президентом К. Йоханниса (21 декабря 2014 г.) – этнического немца, последовательно проводящего курс на укрепление связей страны с партнерами по ЕС и НАТО, особенно с Германией. Показательно, что один из первых государственных визитов К. Йоханнис совершил в Федеративную Республику Германию, где заявил о полной поддержке «Восточного партнерства» и необходимости сохранения единой Молдовы как ориентированной на ЕС и НАТО. А. Меркель подчеркивала общность интересов сторон в отношении Западных Балкан и заинтересованности в более активном подключении Румынии к урегулированию вооруженного конфликта на востоке Украины [23].

Углубление политического сотрудничества двух стран (преимущественно под эгидой ЕС) дало импульс развитию с 2016 г. военной кооперации на базе НАТО. В соответствии с решениями Варшавского саммита Альянса (8–9 июля 2016 г.) на территории Румынии был развернут штаб дивизии «Юго-Восток», часть персонала которого была выделена бундесвером. Начиная с 2016–2017 гг. германские военные стали впервые активно участвовать в военно-тренировочной деятельности блока в Юго-Восточной Европе. Параллельно Германия как страна – участница НАТО продолжила на ротационной основе выделять надводные боевые корабли в состав 2-й постоянной морской (ПМГ) и 2-й постоянной контрминной групп (ПКМГ) Альянса, до шести месяцев в календарном году оперирующих в акватории Черного моря.

Значительное наращивание присутствия всех видов вооруженных сил блока вблизи границ (в том числе морских) Молдовы и Украины являлось, по нашему мнению, инструментом усиления влияния Евро-Атлантического сообщества на ход урегулирования вооруженных конфликтов в этих странах. Факт заметного участия в этом процессе ФРГ свидетельствовал о стремлении обеспечить (под эгидой НАТО и ЕС) стратегическое проникновение в регион. Надо полагать, будет усиливаться наземное (в составе дивизии «Юго-Восток» и сил передового развертывания НАТО в целом) и военно-воздушное проникновение (в рамках миссии блока по охране воздушного пространства Румынии и Болгарии), а также усиление военно-морского присутствия ФРГ в Юго-Восточной Европе. В случае благоприятного для Запада сценария урегулирования вооруженных конфликтов на территории Молдовы

и Украины возможно развертывание тренировочных миссий ЕС с активным участием бундесвера.

Предпринимаемые западными странами меры серьезно повлияли на военно-политические позиции Украины и Молдовы: первая уже осуществила дрейф от внеблокового статуса (2010) к вступлению в НАТО как долгосрочной цели, вторая с высокой долей вероятности также будет готова пересматривать свой нейтральный статус. Это не только вызывает растущую обеспокоенность РФ, в действующей Военной доктрине которой приближение инфраструктуры и войск НАТО к границам России рассматривается как угроза национальной безопасности [1], но может стать непреодолимым препятствием для сближения сторон вооруженных конфликтов в Молдове и Украине.

В этой связи показательно стремление официального Кишинева с начала 2010-х годов параллельно добиться трансформации миротворческой (военной) миссии в Приднестровье в полицейскую и вывода оперативной группы российских войск (ОГРВ) (охраняющей склады с боеприпасами в районе Колбасна) [6]. Реализация этих мер означает свертывание российского присутствия в Приднестровье и замену его на миссию ЕС по образцу развернутой на границах Абхазии и Южной Осетии с 2009 г. РФ обращает внимание на очень высокую вероятность «размораживания» вооруженного конфликта в Приднестровье в случае замены военной миссии на гражданскую. Вывод российских войск из субрегиона позволит официальному Кишиневу использовать весь спектр средств давления на Приднестровье вплоть до силовых. В такой ситуации, как показывает опыт использования мониторинговой миссии ОБСЕ на востоке Украины, гражданские специалисты оказываются неспособны исключить вспышки организованного насилия. Миротворческое присутствие РФ базируется на действующей правовой основе – соглашении о принципах мирного урегулирования конфликта от 21 июля 1992 г. и протокола о количественном составе и размещении миротворческих сил от 28 июля 1992 г., заключенных Россией с Молдовой в присутствии главы Приднестровья [там же]. При этом численность контингента РФ с начала 2000-х годов существенно ниже (около 40%) от «потолка» войск, установленных вторым из документов (шесть батальонов, в том числе один в резерве, вертолетная эскадрилья и группа обеспечения связи) [там же]. Вкупе с отсутствием новых вспышек боевых действий с 1992 г. это доказывает эффективность использования российского воинского контингента и одновременно нежелание РФ его наращивать. Одновременно Россия готова полностью вывести ОГРВ после ликвидации складов в районе Колбасна, содержащих 20 тыс. т (!) боеприпасов. Без содействия Молдовы и Украины их вывоз с целью утилизации на территории РФ невозможен [там же]. В случае снятия охраны военное имущество (особенно взрывчатка) может, как показало расхищение вооружений армии Ливии после свержения М. Каддафи, активно использоваться различ-

ными радикальными группами – в том числе для «размораживания» конфликта в Приднестровье и эскалации ситуации на востоке Украины.

Показательно, что германские власти официально не педалировали вопрос о выводе миротворцев РФ, равно как и ОГРВ. Это, по мнению автора, косвенно свидетельствует о признании ФРГ необходимости присутствия России в Приднестровье на современном этапе урегулирования, что стало одной из предпосылок для восстановления взаимодействия двух держав.

2–3 июня 2016 г. в Берлине была проведена первая с начала украинских событий встреча формата «5+2». Формально проведение встречи было инициировано ОБСЕ, в действительности Германией, в 2016 г. ставшей председателем организации. Стороны заявили о приверженности сохранению Приднестровья в составе Молдовы при условии ее федерализации, начав выработку комплекса новых «малых шагов» для сближения участников «замороженного» конфликта. Параллельно была организована встреча сторон по схеме «1+1», при этом германская сторона попыталась вести «челночную дипломатию» [25].

Чем была обусловлена готовность ФРГ к восстановлению взаимодействия с РФ по Приднестровью? Во-первых, германские власти стремились использовать свое председательство в ОБСЕ (2016) для активизации процесса урегулирования вооруженных конфликтов на постсоветском пространстве в целом. В случае успеха это вернуло бы Германии особую роль (как это было в период «холодной войны») в налаживании диалога Запада и РФ на стратегическом уровне. Во-вторых, вступление в силу с 1 июля 2016 г. соглашения об ассоциации Молдовы с ЕС означало завершение первого этапа плана ФРГ по урегулированию вооруженного конфликта. Следующим должно было стать реальное вхождение Приднестровья в состав Молдовы как государства, ориентированного в своей внешней политике на Евро-Атлантическое сообщество. В этой ситуации затягивание урегулирования усиливало обособленность Приднестровья, что отнюдь не отвечало интересам Германии. К тому же, вопреки опасениям официального Берлина, реальных шагов по вхождению в состав России со стороны властей в Тирасполе осуществлено не было.

Стремясь развить успех от перезапуска процесса регулирования, МИД ФРГ инициировал в июле 2016 г. на территории Баварии новую встречу участников формата «5+2» для детализации мер по примирению сторон. Однако, как и следовало ожидать, Германии не удалось добиться стремительного прогресса – для Приднестровья факт ассоциации Молдовы с ЕС стал главным препятствием на пути урегулирования. И. Додон, избранный президентом Молдовы в декабре 2016 г., приостановил процесс сближения страны с НАТО. Примечательно, что на фоне интенсивных контактов на высшем уровне с Россией встречи И. Додона с канцлером и главой МИД ФРГ не проводились.

В 2017–2018 гг. германская сторона оказалась перед необходимостью поиска выхода из сложившейся патовой ситуации; при этом готовности к серьезной корректировке ее позиции по урегулированию конфликта в Приднестровье не просматривается. В этой ситуации германо-российское взаимодействие на данном направлении сведено к поддержке «малых шагов» по сближению сторон конфликта, а РФ критикует ОБСЕ за медлительность в их осуществлении [11]. Позитивным сигналом является заметное снижение остроты критики России Германией по сравнению с периодом 2014–2015 гг. Это же наблюдается и в случае с Абхазией и Южной Осетией.

Взаимодействие по конфликтам в Абхазии и Южной Осетии: На пути к поиску выхода из патовой ситуации

Если непосредственно в период «августовской войны» 2008 г. ФРГ активно взаимодействовала с РФ с целью деэскалации напряженности (в первую очередь, при разработке плана «Медведева – Саркози»), то по мере «замораживания» конфликта наблюдалась дивергенция позиций сторон. Последовательно поддерживая сохранение Грузии в границах 1991 г., ФРГ, как и ее западные партнеры, выступила против признания РФ независимости Абхазии и Южной Осетии (2008) как результата «разморозки» конфликта Грузией. Расхождения сторон привели к свертыванию мониторинговой миссии ОБСЕ в зоне грузино-абхазского конфликта (с 1994 г. с участием ФРГ и РФ) и ее замене наблюдателями ЕС, размещенными с грузинской стороны границ с Абхазией и Южной Осетией. С одной стороны, замена механизма под эгидой равноудаленной (от России и Запада) площадки на инструмент Европейского союза не могла не вызывать критики РФ. С другой стороны, вкупе с российским военным присутствием в двух вновь возникших государствах Закавказья развертывание наблюдателей ЕС позволило успешно «заморозить» конфликт. Разветвленная сеть основных (в районах Зугдиди вблизи границы с Абхазией, Гори и Мцхети вблизи Южной Осетии) и передовых пунктов миссии EUMM (МНЕС) позволяла ей фиксировать любые попытки даже небольших скоплений войск и техники вблизи границы [17]. В период 2009–2017 гг. не было ни одной вспышки организованного насилия (подобной событиям 2004 г. в Южной Осетии) и в целом отсутствовали признаки подготовки к «разморозке» конфликта [12]. Признание этого со стороны ЕС подтверждается сокращением числа сотрудников EUMM (МНЕС) к 2018 г. вдвое (с 400 до 200 человек) по сравнению с 2009 г. [17]. Стабилизации способствуют также регулярно организуемые при участии РФ, США, ОБСЕ и ЕС (в последнем случае – как дипломатами самого объединения, так и ФРГ)

регулярные встречи политических и военных представителей конфликтующих сторон [12].

В отличие от Приднестровья, в Абхазии и Южной Осетии взаимодействие РФ и ФРГ по урегулированию не прекратилось. Как ни парадоксально на первый взгляд, это было обусловлено большими расхождениями в позициях: в отличие от ФРГ, Россия признала выход Абхазии и Южной Осетии, а потому «замораживание» отношений могло дать исключительно негативный эффект. В случае же с Приднестровьем позиция ФРГ стала средством давления на РФ с целью не допустить попыток выхода из состава молдавского государства. Весьма показательна здесь Германией предпринимаемых Грузией «малых шагов» гуманитарного, экономического и политического характера в зоне конфликта, особенно с середины 2010-х годов [21].

Однако в целом во второй половине 2010-х годов глубокие различия в позициях двух держав остались неизменными – германская сторона заявляет о себе как последовательном стороннике «территориальной целостности и суверенитета Грузии на протяжении 25 лет» [там же], Россия же считает невозможным сохранение Абхазии и Южной Осетии в составе Грузии после ее агрессии 2008 г.

Фон для этого создает динамичное сближение Грузии с институтами Евро-Атлантического сообщества – как ЕС, так и НАТО, причем скорость этого сближения существенно выше, чем у Молдовы и Украины. После подписания Грузией соглашения об ассоциации с ЕС (2014) ежегодными стали двусторонние встречи с ФРГ на высшем уровне, традиционно проводимые в Берлине. Германия выступает значимым инвестором в грузинскую экономику: более 150 предприятий ФРГ работали в Грузии, особенно в строительной сфере [там же].

Параллельно развивалось военное сотрудничество по линии НАТО. Так, с 2017 г. на базе Кртцанисского учебного центра по инициативе премьер-министра Г. Квирикашвили стала осуществляться совместная военнотренировочная деятельность стран блока и Грузии, а ее подразделения подключились к программам подготовки сил быстрого реагирования Альянса. Однако блок отказался от создания под своей эгидой базы в Поти (как средства поддержки грузинских ВМС, ослабленных после войны 2008 г.), не исключив возможности ее создания одной из стран-участниц в национальном качестве [5]. С точки зрения автора, вероятность того, что Германия примет на себя эту роль, невелика. Как и в случае с Украиной, основной объем военного сотрудничества со стороны НАТО осуществляется англо-саксонскими державами (США, Великобритания, Канада), в то время как участие ФРГ более ограничено. В первую очередь оно сводится к предоставлению боевых единиц ВМФ в состав 2-й ПМГ и 2-й ПКМГ, совершающих регулярные дружественные визиты в Грузию. Это в целом отвечает линии Германии на

стратегическую сдержанность, в основе которой лежит взвешенность в использовании военных инструментов на постсоветском пространстве, чтобы уменьшить риск эскалации напряженности в отношениях с РФ.

При этом сближение Грузии с НАТО может быть использовано Западом в качестве средства влияния на РФ для получения уступок в урегулировании. Однако с высокой долей вероятности ответом станет наращивание военного присутствия России, в том числе на территории Абхазии и Южной Осетии.

Есть ли у германской стороны понимание патового характера ситуации? Думается, что да. Свидетельство этого – запуск с 2015 г. формата закрытых встреч Германии и Франции для ревизии сложившейся ситуации и поиска «прорывных» решений. Так, вторая встреча была организована в Тбилиси 16–17 декабря 2016 г. в завершение председательства ФРГ в ОБСЕ. Примечателен состав ее участников: от Франции и Германии были представлены послы в трех закавказских республиках, сотрудники диппредставительств в России и Турции, работники центрального аппарата МИД обеих держав (руководители Департамента Восточной Европы). И хотя ход и результаты этих встреч в Закавказье закрыты, они свидетельствуют о поиске Германией (и Францией) инициатив по урегулированию. Успех его наиболее вероятен в случае серьезного прогресса на других направлениях урегулирования – в первую очередь на востоке Украины.

* * *

По мере частичной нормализации отношений двух держав после украинских событий 2014–2015 гг. первый всплеск активности во взаимодействии на постсоветском пространстве пришелся на 2016 г., что было связано с председательством ФРГ в ОБСЕ. В конце 2016–2017 гг. наблюдался определенный спад, вызванный резким изменением внутри- и внешнеполитической ситуации в Германии. Если применительно к Приднестровью, Абхазии и Южной Осетии это состояние еще продолжается, то в отношении конфликта на востоке Украины возможна новая активизация взаимодействия, которая в случае ее успеха повлияет и на остальные рассмотренные направления.

Международный опыт (в частности, примеры конфликтов на юге Судана и в провинции Дарфур) свидетельствует: длительность периода «заморозки» (и тем более «тления») внутригосударственного вооруженного конфликта прямо пропорциональна вероятности отделения одной из сторон боевых действий. Думается, что понимание этого будет способствовать активному участию ФРГ в реализации как уже выдвинутых предложений (в первую очередь по развертыванию миротворцев для «наращивания» миссии ОБСЕ на Донбассе), так и в выдвижении новых, носящих компромиссный характер.

Библиография

1. Военная доктрина Российской Федерации // Российская газета. 2014. 30 декабря. URL: www.rg.ru/2014/12/30/doktrina-dok.html (Дата обращения: 1.03.2018.)
2. Выступление заместителя Постоянного представителя России при ОБСЕ Д.А. Балакина на заседании Постоянного совета ОБСЕ о ситуации на Украине и необходимости выполнения Минских договоренностей, Вена, 1 марта 2018 г. // МИД РФ: Официальный сайт. URL: http://www.mid.ru/web/guest/maps/ua/-/asset_publisher/ktn0ZLTvbbS3/content/id/3104384 (Дата обращения: 1.03.2018.)
3. Выступление и ответы на вопросы министра иностранных дел России С.В. Лаврова в ходе выхода к прессе по итогам переговоров министров иностранных дел в «Нормандском формате», Берлин, 11 мая 2016 г. // МИД РФ: Официальный сайт. URL: http://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/2752061 (Дата обращения: 1.03.2018.)
4. Выступление и ответы на вопросы министра иностранных дел С.В. Лаврова в ходе открытия российско-германской Летней школы «Пути развития энергетического сектора. Современные вызовы», Екатеринбург, 15 августа 2016 г. // МИД РФ: Официальный сайт. URL: http://www.mid.ru/web/guest/meropriyatiya_s_uchastiem_ministra/-/asset_publisher/xK1VhB2bUjd3/content/id/2392315 (Дата обращения: 1.03.2018.)
5. Дорогое удовольствие: НАТО не станет размещать военную базу в Грузии // РИА-Новости. 2017. 2 марта. URL: <https://www.ria.ru/world/20170302/1489103033.html> (Дата обращения: 1.03.2018.)
6. Интервью статс-секретаря – заместителя министра иностранных дел России Г.Б. Карасина газете «Коммерсантъ», опубликованное 2 октября 2017 г. // МИД РФ: Официальный сайт. URL: http://www.mid.ru/web/guest/foreign_policy/international_safety/conflicts/-/asset_publisher/xIEMTQ3OvzcA/content/id/2884171 (Дата обращения: 1.03.2018.)
7. Комплекс мер по выполнению Минских соглашений, 12 февраля 2015 г. // Официальные сетевые ресурсы Президента России. URL: <http://kremlin.ru/supplement/4804> (Дата обращения: 1.03.2018.)
8. Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена 30 ноября 2016 г.) // Совет безопасности РФ: Официальный сайт. URL: <http://www.scrf.gov.ru/security/international/document25/> (Дата обращения: 1.03.2018.)
9. Малышев Д.В. Государства Южного Кавказа: Евро-атлантическая и евразийская альтернативы в сфере безопасности // Проблемы европейской безопасности. М., 2016. Вып. 1. С. 86–123.
10. О встрече министра иностранных дел России С.В. Лаврова с исполняющим обязанности вице-канцлера, федерального министра иностранных дел ФРГ З. Габриэлем 17 февраля 2018 г. // МИД РФ: Официальный сайт. URL: http://www.mid.ru/web/guest/meropriyatiya_s_uchastiem_ministra/-/asset_publisher/xK1VhB2bUjd3/content/id/3078720 (Дата обращения: 1.03.2018.)
11. О заседании «Постоянного совещания по политическим вопросам в рамках переговорного процесса по приднестровскому урегулированию», 28.11.2017 // МИД РФ: Официальный сайт. URL: http://www.mid.ru/web/guest/foreign_policy/international_safety/conflicts/-/asset_publisher/xIEMTQ3OvzcA/content/id/2969470 (Дата обращения: 1.03.2018.)
12. О консультациях по безопасности и стабильности в Закавказье, 13.12.2017 // МИД РФ: Официальный сайт. URL: http://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_safety/conflicts/-/asset_publisher/xIEMTQ3OvzcA/content/id/2988745 (Дата обращения 1.03.2018.)

13. Телефонный разговор с федеральным канцлером Ангелой Меркель, 11.09.2017 // Официальные сетевые ресурсы Президента России. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/55593> (Дата обращения: 1.03.2018.)
14. США захотели разместить на Донбассе 20 тыс. миротворцев // Lenta Ru. 2017. 10 ноября. URL: <https://lenta.ru/news/2017/11/10/donbass/> (Дата обращения: 1.03.2018.)
15. Bundeskanzlerin Merkel telefoniert mit dem ukrainischen Staatspräsidenten Petro Poroschenko, 20 Feb. // Die Bundesregierung: Official Website. URL: <https://www.bundesregierung.de/Content/DE/Pressemitteilungen/BPA/2018/02/2018-02-20-telefonat-merkel-poroschenko.html> (Дата обращения: 1.03.2018.)
16. Deutsch-französische Versöhnung in den Südkaukasus tragen: Zweite Regionalkonferenz der Botschafterinnen und Botschafter aus Deutschland und Frankreich in Tiflis // Auswärtiges Amt: Official Website. URL: www.auswaertiges-amt.de/nn_582140/sid_322FE765566059B79A2A28BCFAED4FE7/DE/Aussenpolitik/Laender/Aktuelle_Artikel/Georgien/161219_dt_frz_Boko_Kaukasus.html?nnm=582158 (Дата обращения: 1.03.2018.)
17. Factsheet and Figures // EUMM Georgien: Official Website. URL: eumm.eu/en/about_eumm/facts_and_figures (Дата обращения: 1.03.2018.)
18. Lough J. Germany's Russia challenge: Fellowship monograph. Napoli: NATO Defense College, 2018. 47 p.
19. Menon R., Rumer Eu. Conflict in Ukraine. The Unwinding of the Post-Cold War Order. Boston: A Boston Review Book; London: The MIT Press, 2015. 169 p.
20. OSCE Special Monitoring Mission to Ukraine // OSCE: Official Website. URL: www.osce.org/special-monitoring-mission-to-ukraine (Дата обращения: 1.03.2018.)
21. Pressekonferenz von Bundeskanzlerin Merkel und dem georgischen Ministerpräsidenten Kvirikashvili, 2016. Juni 15 // Die Bundesregierung: Official Website. URL: <https://www.bundesregierung.de/Content/DE/Mitschrift/Pressekonferenzen/2016/06/2016-06-15-pk-merkel-kvirikashvili.html> (Дата обращения: 1.03.2018.)
22. Pressekonferenz von Bundeskanzlerin Merkel und dem Ministerpräsidenten der Republik Moldau, Leanca, Berlin, 2014. Juli 10 // Die Bundesregierung: Official Website. URL: <https://www.bundesregierung.de/Content/DE/Mitschrift/Pressekonferenzen/2014/07/2014-07-10-pk-merkel.html> (Дата обращения: 1.03.2018.)
23. Pressekonferenz von Bundeskanzlerin Merkel und dem rumänischen Präsidenten, Johannis, Berlin, 2015. Febr. 26 // Die Bundesregierung: Official Website. URL: <https://www.bundesregierung.de/Content/DE/Mitschrift/Pressekonferenzen/2015/02/2015-02-26-merkel-johannis.html> (Дата обращения: 1.03.2018.)
24. Rede des Bundesministers des Auswärtigen, Sigmar Gabriel, bei der Münchner Sicherheitskonferenz am 17 Februar 2018 in München // Die Bundesregierung: Official Website. URL: <https://www.bundesregierung.de/Content/DE/Bulletin/2018/02/19-3-bmaa-sicherheitskonferenz.html> (Дата обращения: 1.03.2018.)
25. Transnistrienkonflikt: Erstes offizielles Treffen im Verhandlungsformat nach zweijähriger Pause // Auswärtiges Amt: Official Website. URL: www.auswaertiges-amt.de/de/aussenpolitik/laender/moldau-node/160606-transnistrien-gespraech/281082 (Дата обращения: 1.03.2018.)

References

- Voennaja doktrina Rossijskoj Federacii // Rossijskaja gazeta. 2014. Dec. 30. URL: www.rg.ru/2014/12/30/doktrina-dok.html (Дата обращения: 1.03.2018.)
- Vystuplenie zamestitelja Postojannogo predstavitelja Rossii pri OBSE D.A. Balakina na zasedanii Postojannogo soveta OBSE o situacii na Ukraine i neobhodimosti vypolnenija Minskich dogovorennostej, Vena, 1 marta 2018 g. // MID RF: Official Website. URL: <http://www.mid.ru/>

web/guest/maps/ua/-/asset_publisher/ktn0ZLTvbbS3/content/id/3104384 (Data obrashhenija: 1.03.2018.)

Vystuplenie i otvety na voprosy ministra inostrannyh del Rossii S.V. Lavrova v hode vyhoda k presse po itogam peregovorov ministrov inostrannyh del v «Normandskom formate», Berlin, 11 maja 2016 g. // MID RF: Official Website. URL: http://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/2752061 (Data obrashhenija: 1.03.2018.)

Vystuplenie i otvety na voprosy ministra inostrannyh del S.V. Lavrova v hode otkrytija rossijsko-germanskoj Letnej shkoly «Puti razvitija jenergeticheskogo sektora. Sovremennye vyzovy», Ekaterinburg, 15 avgusta 2016 g. // MID RF: Official Website. URL: http://www.mid.ru/web/guest/meropriyatiya_s_uchastiem_ministra/-/asset_publisher/xK1BhB2bUjd3/content/id/2392315 (Data obrashhenija: 1.03.2018.)

Dorogoe udovol'stvie: NATO ne stanet razmeshhat' voennuju bazu v Gruzii // RIA-Novosti. 2017. March 2. URL: <https://www.ria.ru/world/20170302/1489103033.html> (Data obrashhenija: 1.03.2018.)

Interv'ju stats-sekretarja – zamestitelja ministra inostrannyh del Rossii G.B. Karasina gazete «Kommersant», opublikovannoe 2 oktjabrja 2017 g. // MID RF: Official Website. URL: http://www.mid.ru/web/guest/foreign_policy/international_safety/conflicts/-/asset_publisher/xIEMTQ3OvzcA/content/id/2884171 (Data obrashhenija: 1.03.2018.)

Kompleks mer po vypolneniju Minskih soglashenij, 12 fevralja 2015 g. // Oficial'nye setevye resursy Prezidenta Rossii. URL: <http://kremlin.ru/supplement/4804> (Data obrashhenija: 1.03.2018.)

Koncepcija vneshnej politiki Rossijskoj Federacii (utverzhdena 30 nojabrja 2016 g.) // Sovet Bezopasnosti RF: Official Website. URL: <http://www.scrf.gov.ru/security/international/document25/> (Data obrashhenija: 1.03.2018.)

Malyshev D.V. Gosudarstva Juzhnogo Kavkaza: Evro-atlanticheskaja i evrazijskaja al'ternativy v sfere bezopasnosti // Problemy evropejskoj bezopasnosti. M., 2016. Vyp. 1. P. 86–123.

O vstreche ministra inostrannyh del Rossii S.V. Lavrova s ispolnjajushhim objazannosti vice-kanclera, Federal'nogo ministra inostrannyh del FRG Z. Gabrijelem 17 fevralja 2018 g. // MID RF: Official Website. URL: http://www.mid.ru/web/guest/meropriyatiya_s_uchastiem_ministra/-/asset_publisher/xK1BhB2bUjd3/content/id/3078720 (Data obrashhenija: 1.03.2018.)

O zasedanii «Postojannogo soveshhanija po politicheskim voprosam v ramkah peregovornogo processa po pridnestrovskomu uregulirovaniju», 28.11.2017 // MID RF: Official Website. URL: http://www.mid.ru/web/guest/foreign_policy/international_safety/conflicts/-/asset_publisher/xIEMTQ3OvzcA/content/id/2969470 (Data obrashhenija: 1.03.2018.)

O konsul'tacijah po bezopasnosti i stabil'nosti v Zakavkaz'e, 13.12.2017 // MID RF: Official Website. URL: http://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_safety/conflicts/-/asset_publisher/xIEMTQ3OvzcA/content/id/2988745 (Data obrashhenija 1.03.2018.)

Telefonnyj razgovor s federal'nym kanclerom Angeloj Merkel', 11.09.2017 // Oficial'nye setevye resursy Prezidenta Rossii. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/55593> (Data obrashhenija: 1.03.2018.)

SShA zahoteli razmestit' na Donbasse 20 tysjach mirotvorcev // Lenta Ru. 2017. Nov. 10. Official Website. URL: <https://lenta.ru/news/2017/11/10/donbass/> (Data obrashhenija: 1.03.2018.)

Bundeskanzlerin Merkel telefoniert mit dem ukrainischen Staatspräsidenten Petro Poroschenko, 2018. 20 Feb. // Die Bundesregierung: Official Website. URL: <https://www.bundesregierung.de/Content/DE/Pressemitteilungen/BPA/2018/02/2018-02-20-telefonat-merkel-poroschenko.html> (Data obrashhenija: 1.03.2018.)

Deutsch-französische Versöhnung in den Südkaukasus tragen: Zweite Regionalkonferenz der Botschafterinnen und Botschafter aus Deutschland und Frankreich in Tiflis // Auswärtiges Amt: Official Website. URL: www.auswaertiges-amt.de/nn_582140/sid_322FE765566059B79A2A28BCF

AED4FE7/DE/Aussenpolitik/Laender/Aktuelle_Artikel/Georgien/161219_dt_frz_Boko_Kaukasus.html?nm=582158 (Data obrashhenija: 1.03.2018.)

Factsheet and Figures // EUMM Georgien: Official Website. URL: eumm.eu/en/about_eumm/facts_and_figures (Data obrashhenija: 1.03.2018.)

Lough J. Germany's Russia challenge: Fellowship monograph. Napoli: NATO Defense College, 2018. 47 p.

Menon R., Rumer Eu. Conflict in Ukraine. The Unwinding of the Post-Cold War Order. Boston: A Boston Review Book; London: The MIT Press, 2015. 169 p.

OSCE Special Monitoring Mission to Ukraine // OSCE: Official Website. URL: www.osce.org/special-monitoring-mission-to-ukraine (Data obrashhenija: 1.03.2018.)

Pressekonferenz von Bundeskanzlerin Merkel und dem georgischen Ministerpräsidenten Kvirikashvili, 2016. Juni 15 // Die Bundesregierung: Official Website. URL: <https://www.bundesregierung.de/Content/DE/Mitschrift/Pressekonferenzen/2016/06/2016-06-15-pk-merkel-kvirikashvili.html> (Data obrashhenija: 1.03.2018.)

Pressekonferenz von Bundeskanzlerin Merkel und dem Ministerpräsidenten der Republik Moldau, Leanca, Berlin, 2014. Juli 10 // Die Bundesregierung: Official Website. URL: <https://www.bundesregierung.de/Content/DE/Mitschrift/Pressekonferenzen/2014/07/2014-07-10-pk-merkel.html> (Data obrashhenija: 1.03.2018.)

Pressekonferenz von Bundeskanzlerin Merkel und dem rumänischen Präsidenten, Johannis, Berlin, 2015. Febr. 26 // Die Bundesregierung: Official Website. URL: <https://www.bundesregierung.de/Content/DE/Mitschrift/Pressekonferenzen/2015/02/2015-02-26-merkel-johannis.html> (Data obrashhenija: 1.03.2018.)

Rede des Bundesministers des Auswärtigen, Sigmar Gabriel, bei der Münchner Sicherheitskonferenz am 17 Februar 2018 in München // Die Bundesregierung: Official Website. URL: <https://www.bundesregierung.de/Content/DE/Bulletin/2018/02/19-3-bmaa-sicherheitskonferenz.html> (Data obrashhenija: 1.03.2018.)

Transnistrienkonflikt: Erstes offizielles Treffen im Verhandlungsformat nach zweijähriger Pause // Auswärtiges Amt: Official Website. URL: www.auswaertiges-amt.de/de/aussenpolitik/laender/moldau-node/160606-transnistrien-gespraech/281082 (Data obrashhenija: 1.03.2018.)